Ист.

СЛОВО
ПОХВАЛЬНОЕ
ЖАНЪ ЖАКУ
РУССО

сочиненное

на Французскомъ языкѣ

г. А...

на иждивенiи П. Б.

ВЪ Санктпетербургѣ,
печатано съ дозволенiя Указнаго
у Гека 1787 года.

Два великїе мужи сокрылись отъ лица земли почти въ единое время. Парижское ученое сословїе предложило Стихотворцамъ награду за сочиненїе похвалы единому, а мы внимая токмо чувствїю сердца своего, потщимся воздать должную хвалу другому. Все, что ни скажемъ о знаменитомъ семъ Женевскомъ гра-

жданиѣ, нимало славы его неусугубитъ; но какая въ томъ нужда? разсыпавъ нѣсколько цвѣтовъ надъ его прахомъ, исполнимъ по крайней мѣрѣ священный долгъ, коего требуетъ отъ насъ благодарность.

Добродѣтельный и превосходный писатель! ты былъ благотворитель мой; такъ, ты для меня учинилъ болѣе нежели сколько бы возмогъ богатый человѣкъ, владѣющій единымъ токмо златомъ, болѣе, нежели сильный вель-

можа обольщающій своимъ покровительствомъ. Ты ободрилъ душу мою въ унынïи; ты укрѣпилъ ее противу напасти и неправосудïя; ты изливалъ въ нее иногда сладостную чувствительность; ты очистилъ ее. . .; такъ, призн- юсь въ томъ, что я обязанъ тебѣ и удовольствïями своими и исправленïемъ своего сердца.

Изъ нѣдръ малой республики долженствовалъ родиться человѣкъ, чувствовавшïй паче другихъ благородство существа сво-

его и цѣну независимости. Страсти сильныя отторгли его въ самой юности отъ дому родительскаго и заставили предпочесть томленіе и скитаніе единообразію трудовъ спокойной жизни. Благословимъ однакожъ сіи толь сильныя страсти похитившія у родителя сына, у отечества гражданина, но даровавшія мудреца цѣлому свѣту. Возблагодаримъ злополучію, укрѣпившему его душу, которую бы щастіе могло привести въ разслабленіе, и подивимся, какимъ

образомъ онъ посреди толикихъ странствованій, лишеній, досадъ и противоборствій возмогъ приобрѣсти во младости еще своей назидательную учености и оное великое множество познаній, коими творенія его преисполнены и кои положили имъ толь твердыя основанія, что онѣ не только переживутъ всѣ тѣ сочиненія, которыя подъ прелестными цвѣтами слога сокрываютъ великую въ себѣ слабость, но и сохранятъ славу и силу свою до позднѣйшихъ временъ.

Воззримъ на него, какъ онъ вступаетъ въ ученый подвигъ. Какая сановитость примѣчается въ немъ при первомъ шагѣ! Коль важно его предпріятіе! какая гордая и мужественная поступь! коликo видъ его при ономъ смѣлъ и величественъ! Академія предложила вопросъ: *болѣе ли науки и художества принесли обществу пользы нежели вреда*! Руссо чувствуетъ, что возвыся гласъ свой на похвалу наукъ и художествъ, онъ уподобится обыкновен-

нымъ обожателямъ, кои простерты предъ своими кумирами единый только фиміямъ предъ ними возжигаютъ, и для того дерзаетъ обратить на музъ строгое око, уклоняетъ слухъ свой отъ восхитительнаго ихъ пѣнія, и се онѣ являются ему во образѣ развратительницъ великихъ сонмовъ тѣснящихся окрестъ ихъ человѣковъ. Изъ источника прославленнаго во всѣ времена и всѣми стихотворцами, можетъ быть ради того, дабы удостовѣрить свѣтъ, что они воду его

вкушали; изъ сего говорю источника зритъ онъ истекающими вредную лѣность, подлое ласкателство и разслабляющее сладострастiе. Поступая строже Платона, который возбраняетъ Творцу Илïяды входъ въ свою только республику, онъ желалъ бы его и послѣдующихъ ему изгнать изъ всей вселенной.

Художества толико прославляемыя, не инако имъ почитаются, какъ пагубными изобрѣтенiями, кои суть вкупѣ плоды и пища праздноiюбiя. О вы живописцы и каменосѣчцы!

сокройте изящныя свои творенія, онъ готовится все оныя разрушить. Когда уже Ѳидіи и Праксителлы не приобрѣли его уваженія, то какая надежда остается вамъ о слабые художники, коихъ кистію, каменносѣческими и иными подобными орудіями любострастіе управляетъ? О чемъ ты Зодчій помышляешъ, о начертаніи ли прекрасныхъ чертоговъ или великолѣпнаго храма? Храмъ Божій есть вселенная; обиталище же человѣка есть оная спокойная сѣнь, въ которой началь-

никъ семейства можетъ въ тишинѣ провождать дни свои. Огромныя стѣны и различныхъ званій столпы суть не иное что какъ порожденіе буйной гордыни и суетной роскоши. Скромность есть огражденіе обиталища премудрыхъ, а трудъ и правота сердца суть его столпы, кои не только что оное долго поддерживаютъ но и паки возстановляютъ, когда время низложитъ.

Если бы и вы также мыслили о ученые Академики, вы кои толь тщатель-

но трудитесь въ разсматриванiи медалей и въ изъясненiи нѣкоторыхъ на оныхъ словъ, заглажденныхъ рукою могущественнаго времени, то не стали бы заниматься толико людьми уже несуществующими, но паче бы пеклися о благоденствiи тѣхъ, кои на земли еще пребываютъ. Протекшее время почти ничто; о единомъ только настоящемъ и будущемъ надлежитъ намъ прилѣжно пещися. Какая въ томъ польза для существующаго днесь рода, что

такое то произшествіе совсѣмъ для его чуждое, случилось вѣкомъ прежде или послѣ? Вамъ остается единый только день, а вы вмѣсто того, что бы наслаждаться блистаніемъ онаго, погружаетесь во мракъ предшествовавшей ему нощи.

Трудно однако же опредѣлить, чему болѣе должно удивляться: ученому ли мужу, который являя науки въ непріятномъ обществу видѣ, дерзаетъ противу ихъ возставать, или безпристрастію Па-

рижскаго ученаго сословія, увѣнчевающаго витійство самого того, который мещетъ противу его громы.

Еще предлагается новый вопросъ представляющій великому Руссо удобнѣйшій случай къ открытію плодотворнаго творческаго его разума. Требуется изслѣдовать *начало неравенства между людьми и самымъ ли естественнымъ закономъ было оно утверждено.* . . . Всякъ, кто только читалъ о семъ его разсужденіе, помыслитъ, что оно съ тѣмъ

было сочинено, дабы возвѣщенну быть всему человѣческому роду и дабы открыть ему, что онъ былъ и чего лишился. Сїе сочиненїе произведено гражданиномъ свѣта, который не приклонялъ главы своей подъ иго предъубѣжденїй, который не зрѣлъ между подобными себѣ инаго различїя кромѣ самою природою установленнаго и который разсматривая долгое время поруганныя ихъ права предпрїялъ ихъ защищать всевозможно. Сколь однако же мы ни у-

дивляемся господствующей въ сихъ прекрасныхъ его разсужденіяхъ учености, великому разуму и убѣдительному краснорѣчію, но весьма отъ того удалены, что бы пріять нѣкія опасныя оныхъ правила. Нѣтъ невозможно, что бы науки подающія человѣку толь великія надъ невѣждою преимущества, умножающія его чувствованія, обращающія склонности его къ полезному, услаждающія его въ горестныхъ печалѣхъ и въ скучномъ уединеніи, подающія от-

раду, были пагубныя изобрѣтенія. Равнымъ образомъ и сіе не возможно, что бы человѣкъ тогда только совершенно наслаждался благополучіемъ, когда бы остался на вѣкъ непросвѣщеннымъ пустыннымъ обитателемъ и когда бы пребывалъ всегда въ сообществѣ звѣрей, отъ коихъ природа толико его отличила.

Писатель, скажутъ мнѣ, утверждающій таковыя странныя мнѣнія, имѣетъ ли право требовать себѣ всеобщаго почитанія и при-

знательности? Неблагодарные! вамъ извѣстно, что тому было причиною. Неоднократно производимое вами изъ наукъ злоупотребленіе толико было пагубно для рода человѣческаго, что Руссо пронзенъ будучи искреннимъ о томъ соболѣзнованіемъ, желалъ имѣть силу обратить всѣ оныя въ невѣжественное и первобытное ихъ состояніе.

Но кто бы могъ вообразить, что бы сей строгій забавъ нашихъ цѣнитель по толь уничижи-

тельномъ воззрѣніи на гражданское общество и его изобрѣтенія составилъ прелестнѣйшее изъ гласоваго искуства употребленіе, что бы приуготовилъ народъ, обаянный одногласнымъ и томнымъ пѣніемъ къ пріятію удачливой его въ мусикіи премѣны? Онъ первый заставилъ во оной внимать истиннѣ и первый представилъ въ оперѣ простую и пріятную природу: разумъ его неимѣлъ нужды притекать для прельщенія насъ къ волшебствамъ и очарованіямъ.

Напрасно думаютъ, что душа его была ослаблена гласомъ собственныя его лиры и что она не могла навсегда сохранить той непоколебимости правилъ своихъ, которая толико ее прежде отличала: нѣтъ. . . . Будучи вовлеченна судьбою въ средину Капуйскихъ увеселенiй, она хотя и испытала опасныя ихъ слѣдствiя, но не менѣе чрезъ то осталась непорочною.

Нѣкiй мудрецъ, имѣвшiй не толь строгiя правила, какъ онъ, приглашаетъ

трудолюбивыхъ Женевцовъ воздвигнуть въ нѣдрахъ страны своея храмъ Талїи и Мельпоменѣ. Добродѣтельный Руссо услыша о семъ содрогается; онъ уже зритъ согражданъ своихъ, коихъ всегда уподоблялъ Спартанцамъ, превращенныхъ незапно волшебствомъ Цирцеи въ толпу женскихъ невольниковъ, у коихъ прилѣжанїе ко трудамъ уступаетъ мѣсто празднолюбїю, легкомыслїе предпочитается здравому разсудку, цѣломудрїе истребляется любострастї-

емъ, а мужество суетными забавами. Онъ охотнѣе бы желалъ видѣть стѣны Женевскія непріятелями осажденныя, нежели врата ихъ отверзтыми для позорищныхъ дѣйствователей, кои представляются очамъ его не инымъ чемъ, какъ онымъ знаменитымъ конемъ, (*) который по внѣшнему своему виду, казался нимало не опаснымъ, но въ пространномъ чревѣ своемъ заключалъ ужасныя оныя полки, разнесшія повсюду пламень и гибель.

* Троянскимъ.

Сему то его воображенію обязаны мы прекраснѣйшимъ о зрѣлищахъ размышленіемъ. Колико хладны и слабы суть восклицанія нашихъ витій, въ сравненіи съ тѣми, кои въ семъ сочиненіи обрѣтаются и кои начертала кажется самая добродѣтель! Какое любезное и трогательное въ словахъ его обиліе мыслей! какое пареніе духа! и какое величіе разума! Представляло ли когда стихотворство восхитительнѣйшую и привлекательнѣйшую картину противу

той, каковая изображена въ описанїи обитающаго на горахъ народа, коего нищета сопровождаемая трудолюбїемъ имѣетъ толикое преимущество надъ изобилїемъ народовъ его окружающихъ! О вы! которые являете себя ревнителями къ исправленїю сердецъ человѣческихъ; отсюду должны вы научиться, какъ украшать древнее нравоученїе новыми прелестьми чувствїя и нѣжности.

Но да неумолчимъ и о томъ, что сей великїй на-

шего вѣка мудрецъ и витія являлся часто въ противоборствіи между собою. Онъ возставалъ противу наукъ, а творенія его доказывали, что самъ ихъ весьма любилъ и много въ нихъ упражнялся. Онъ приписывалъ пустынной жизни толико пріятностей, что слова его убѣждали каждаго подражать оному Готентоту, который совлекши съ себя всѣ богатыя одежды, покрылъ наготу свою овчею кожею и предпочелъ дебри градскому обиталищу; но самъ

препровождалъ дни свои посредѣ большаго свѣта и нелишалъ себя ни единаго изъ его увеселеній. Тою же самою рукою, которою писалъ противу Французской музыки и оперы, изображалъ онъ начертаніе оперы Французской и тѣ мусикійскія выраженія, которыя толь живы и удобопонятны. Наконецъ комедія *Нарцисъ* въ самое то время была представлена, когда разсужденіе его о зрѣлищахъ опредѣлило ему мѣсто между превосходнѣйшими писателями.

Непрїятели безсмертнаго Руссо непреминули обратить въ свою пользу сїе мнимое противорѣчїе; большая часть изъ нихъ чувствуя свою слабость не отважилась прїять оружїе разсужденїя противу сего мужественнаго сопротивника. Они нападали на него съ насмѣшками, которыя въ народѣ болѣе веселомъ, нежели глубокомысленномъ, причиняютъ великїя язвы.

Здѣсь должно изслѣдовать: по справедливости ли Руссо толикократно былъ

обвиняемъ въ противорѣчіи, и подлинно ли безпристрастнымъ было общество, которое любитъ всегда вѣрить гласу его обольщающему, въ разсужденіи онаго мужа, котораго творенія съ ненасытнымъ любопытствомъ оно читало. Естьли бы защитникъ непросвѣщенія, возстававшій противъ наукъ и почитавшій преданныхъ онымъ такими людьми, которые совсѣмъ не нужны для земледѣлія и для другихъ общеполезныхъ трудовъ; естьли бы

сей, говорю, защитникЪ вдругЪ оставилЪ житейскія упражненія и углубился вЪ единое ученіе, тогда онЪ безЪ сумнѣнія былЪ бы легкомысленЪ и подобенЪ тому начальнику диких Ъ народовЪ, который бы предЪ своими собратіями превознесши хвалами независимость ихЪ, спокойство и обширность ихЪ селенія, показалЪ имЪ издали грады, какЪ несносныя темницы, вЪ коихЪ заключенныя толпы невольниковЪ изнуряютЪ себя вЪ трудахЪ для доста-

вленія утѢхъ своимъ тиранамъ, а по томъ бы самъ во оныя удалился.

Но Руссо небылъ ни невѣждою, имѣющимъ причину ненавидѣть науку и неспособнымъ въ оныхъ упражняться, ни единымъ изъ дикихъ, вкушавшимъ пріятности совершенныя свободы. И такъ ничего болѣе нельзя ставить ему въ порокъ, кромѣ излишней склонности къ увеличиванію тѣхъ непорядковъ, коимъ подвергнулъ себя человѣческій родъ, удалясь отъ первобытнаго своего состоянія.

Можно по истиннѣ и небывъ легкомысленнымъ, увѣтрждать, что зрѣлища водворяютъ въ малыя общества роскошь, нѣгу и праздность, и въ тоже самое время сочинить для театра престольнаго града комедїю; можно и не противорѣча своимъ правиламъ почитать Луллїево пѣнїе томнымъ, оперную мусикїю непорядочною, зрѣлище скучнымъ великолѣпїемъ, и написать *деревенскаго ворожею.*

Тогда, какъ пламень войны угрожаетъ всей Ев-

ропѣ, тогда какъ Государи явя себя предавшими требованія свои на судъ здраваго разума, перестаютъ почти покорять умы страшнымъ войскъ своихъ ополченіямъ, возможно ли намъ умолчать объ ономъ славномъ начертаніи вѣчнаго мира, которое Руссо предложилъ столь ясно и основательно, что невозможно отнюдь почитать онаго *мечтаніемъ*, неутверждая того, что правосудіе неможетъ совершенно примириться съ насиліемъ и что человѣче-

ство недолжно питать себя надеждою, чтобъ въ просвѣщенномъ вѣкѣ, Государи болѣе стали пещись о жизни и благосостоянїи своихъ подданныхъ, нежели какъ во время невѣжества и звѣрства.

Слава г. Руссо приобрѣла ему множество обожателей и купно ненавистниковъ; но изданное имъ сочиненїе новаго рода восхитило невѣроятное число людей различнаго званїя и обоего пола. Всякъ разумѣетъ, что я хочу говорить о *новой Элоизѣ*, о той плѣня-

ющей книгѣ, въ которой и самыя погрѣшности суть красоты неоцѣненныя, въ коей любовь имѣетъ толикое владычество, что все дѣлаетъ извинительнымъ, въ которой пламенный и убѣдительный слогъ прельщаетъ слухъ и воспламеняетъ сердце, гдѣ самыя мѣлкія подробности привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе и гдѣ невѣроятность исчезаетъ въ искусныхъ и прекрасныхъ вымыслахъ. О *Юлія*! ты которая послѣ своей погрѣшности еще болѣе себя

возвысила! сколь долгое время пріятно мнѣ было мыслить, что ты дѣйствительно существовала! Сердце мое ощущало къ тебѣ то же самое, что чувствовалъ *Сен-Прїо*.

Изъ всѣхъ Французскихъ романовъ *новая Элоиза*, безъ прекословія должна заступить первое мѣсто; ибо нѣтъ еще другаго подобнаго сочиненія, въ которомъ бы сердечныя чувствія изображены были съ толикимъ жаромъ и разительностїю, котораго бы слогъ толико былъ

обиленъ и великолѣпенъ, въ которомъ бы представленныя лица имѣли столь превосходныя и при томъ столь отличительныя между собою свойства, отъ которой бы чувствовали столь непрерывное въ себѣ движенїе и въ которомъ бы толико находилось истинны посредѣ невѣроятностей, толико разсудка посредѣ заблужденія страстей, толико добродѣтели, посредѣ сладостей. Нѣтъ ни единой, повторяю, книги, которая бы оставляла подобно сей

толь глубокое впечатлѣніе и толь долговременное воспоминаніе. Каждый листъ оныя привлекаетъ на себя особенное вниманіе и всякъ кто ее читалъ однажды, читаетъ ее паки и съ равнымъ удовольствіемъ; тако неизвѣстное побужденіе влечетъ насъ къ прелестной рощѣ, которую мы хотя стократно проходили и хотя уже ничего въ ней къ открытію новаго неостается, однако всегда съ новымъ удовольствіемъ на нее взираемъ.

Нѣкоторые думали, что Руссо изданїемъ *новыя элоизы* обьявилъ только собственныя свои любовныя приключенїя. Если сїе справедливо, то можно сказать, что онъ раздѣлилъ съ читателями своими сладчайшїя свои удовольствїя. Какъ бы то ни было, только весьма вѣроятно, что онъ въ юности своей покоренъ былъ пресильной страсти, которая возбуждаема была противоборствїемъ. Единое воображенїе не въ силахъ произвести подобнаго творенїя; не много

такихъ книгъ, которыя бы могли возбуждать толь сильное чувствiе, какъ *новая Элоиза*. Нетолько юноши съ алчнымъ любопытствомъ ее читаютъ, но и прекрасный полъ, не взирая на строгое прещенiе самаго сочинителя, пользуются ею, какъ плодомъ запрещеннымъ. Есть ли послѣ сего толь опаснаго чтенiя, сердца ихъ отверзались къ любви, то за преслушанiе свое довольно наказывались тѣмъ, что изъ страны восхитительнѣйшихъ ме-

чтаній низвергалися въ печальную бездну, въ которой истинна обитаетъ.

Руссо, который опровергая всѣ общія мнѣнія ничего доселѣ неприобрѣлъ, кромѣ славы краснорѣчиваго мужа, употребляющаго свой разумъ только на то, дабы созидать и утверждать новыя и невѣроятныя положенія, учинился при сей Эпохѣ человѣкомъ весьма драгоцѣннымъ для женъ любви достойныхъ; всѣ желали видѣть и говорить съ тѣмъ,

который толь сильно чувствовалъ восторги, ими только производимыя. Но Руссо чемъ болѣе оказывалъ себя въ своихъ творенїяхъ, тѣмъ паче старался пребывать неизвѣстнымъ въ уединенїи; можетъ статься, удаляясь отъ любопытства народнаго и скрываясь отъ взору жителей пышнаго свѣта, вкушалъ онъ удовольствїе мщенїя; ибо было такое время, когда сей мужъ хранившїй въ умѣ своемъ толикїя сокровища и по томъ излїявшїй оныя

съ толикимъ изобилїемъ, но при всемъ томъ представлявшїй въ образѣ своемъ самую кротость, едва былъ внимаемъ, когда отваживался предлагать слово глупому высокомѣрїю, которое почти всегда соразмѣряетъ свое вниманїе съ положенїемъ болѣе или менѣе пышнымъ того, который говоритъ ему.

Безъ сумнѣнїя мы должны почитать сїе за щастїе, что Руссо вмѣсто того, чтобъ упоеваться въ знатныхъ собранїяхъ скоропреходящею славою,

которая толико сочинителей обольщаетъ, что не рѣдко лишаетъ ихъ разсудка, предался уединенiю, для совершенiя другихъ своихъ творенiй, коимъ уже по крайней мѣрѣ здѣлано было имъ начертанiе. Первое изданное послѣ *новыя Элоизы*, было оное прекрасное разсужденiе о воспитанiи, въ которомъ родительницы читали то, что самая природа толикократно безплодно имъ вѣщала. Ко славѣ Руссовой того только недоставало, чтобъ и

предъ самою природою получить въ краснорѣчіи преимущество; но и сего достигнулъ, и мы уже не единую зрѣли картину, гдѣ представлено младенчество, возлагающее вѣнецъ на главу его. Изъ книги его называемой *Эмиль* выключа нѣкоторыя мѣста показавшіяся служителямъ вѣры и правосудія, подозрительными, трудно противоположить ей другую, въ которой бы разумъ представлялся съ большею силою и пріятностію, въ которой бы съ

съ большимъ благоразумїемъ удалены были предразсужденїя суетности, въ которой бы прямѣе начертана была стезя, препровождающая къ честности и благополучїю. Кажется что она писана перомъ самаго благоразумїя. Но между тѣмъ, какъ книга *Эмилъ* у всѣхъ находилась въ рукахъ, творецъ ея, коего погрѣшности, отнюдь мы не намѣрены защищать, скитался изъ страны въ страну, дабы спасти жизнь свою отъ разгнѣваннаго правосудїя.

Единъ изъ Государей, котораго жизнь знаменита отличными достоинствами даровалъ почтенному Руссо безопасное въ чертогахъ своихъ пристанище. Жители всего Парижа стекались туда толпами, дабы хотя воззрѣть на сего удивительнаго мужа, который сверхъ славы писанїями своими приобрѣтенной, славился еще и тѣмъ, что гонимъ былъ фортуною.

Два Монарха удостоившїе въ послѣдующее время посѣщенїемъ своимъ сїю столицу непривлекли во

слѣдъ себѣ толь многочисленнаго народнаго стеченія и невозбудили толь сильнаго желанія ихъ видѣть. Сіе доказываетъ, что человѣкъ, которому природа вручила скипетръ разума и который по превосходству своего просвѣщенія владычествуетъ надъ умами, имѣетъ область сильнѣйшую и прекраснѣйшую. Волтеръ за нѣсколько дней до своея кончины подтвердилъ сію истинну торжествомъ самымъ великолѣпнымъ. Но какая бы тому была причина, что сіи

толь славные два мужа, которые прежде блистали далече единъ отъ другаго, потомъ сближались и совершили свое поприще въ толь маломъ разстоянiи, въ несогласiи пребывали? Сколь различны были пути, по которымъ они шествовали ко славѣ! Сколь удобно имъ было хранить всегдашнее между собою дружбу! Руссо началъ оказывать Волтеру явные знаки почтенiя! Волтеръ же коль великодушныя дѣлалъ ему предложенiя. . . . Строгая добро-

дѣтель Стоика поколебала правила любезнаго Эпикурїанина; довольно было сего къ возбужденїю въ сердцѣ неукротимаго старца мщенїя: извѣстно, сколь оное было жестоко; незабвенно также и то, съ какимъ терпѣнїемъ и съ какою благородною кротостїю премудрый Руссо отражалъ отъ себя стрѣлы такого Стихотворца, который никогда враговъ своихъ легко непоражалъ и который умертвилъ бы Руссо, естьли бы сей мужъ небылъ безсмертенъ.

Сей писатель упражнявшійся до вступленія своего въ ученое поприще, въ толь долговременномъ размышленіи, въ толь глубокихъ изысканіяхъ и въ чтеніи толь наставительныхъ писаній, пріобрѣлъ рѣдкое изобиліе; нужно ему было изливать на хартію сію плодовитость мыслей, которая, такъ сказать, не вмѣщалась уже въ умѣ его; доказательствомъ онаго есть (contract social) *общественное условіе*, которое онъ сочинилъ, невзирая на то, что находился почти

въ безпрестанныхъ и безпокойныхъ странствїяхъ, и что терзаемъ былъ какъ истинными, такъ и мнимыми, однакожъ неменѣе для него чувствительными огорченїями; но симъ творенїемъ мы неболѣе пользоваться можемъ въ поврежденномъ своемъ состоянїи, какъ человѣкъ находящїйся уже при самыхъ вратахъ смерти спасительнымъ предписанїемъ благоразумнаго врача, по коимъ надлежало бы ему сохранять невредимо свое здравїе.

Изданная имъ между двумя любящимися переписка, которая въ Женевѣ подала причину къ толь многоразличнымъ мнѣнiямъ доказываетъ, коликую власть имѣетъ писатель сладкорѣчивый; перо его, подобно нѣкоей пружинѣ, обращаетъ вселенную по своему соизволенiю. Руссо убѣгавшiй отъ давнаго уже времени злословiя и мщенiя почувствовалъ наконецъ силы свои истощенными; онъ искалъ страны, въ коей бы могъ пребыть спокоенъ:

Англія почитающаяся убѣжищемъ вольности, отверзла для него нѣдра свои; но онъ вкусилъ въ ней единую токмо горесть. Францію толико злословимую, толико терзаемую собственными своими чадами, невзирая на ея огорченія, предпочелъ всѣмъ прочимъ странамъ знаменитый сей иноплеменникъ, котораго она усыновила, и о утратѣ коего чувствительно соболѣзновала. Руссо заключилъ себя въ ея столицѣ. Тотъ же самый человѣкъ, который

за нѣсколько лѣтъ до сего окружаемъ былъ толпою своихъ обожателей почти до безумія ему удивлявшихся, препровождалъ дни свои уединенно и въ совершенномъ почти забвеніи въ такомъ убѣжищѣ, какое бы и самая умѣренность неизбрала для своего пребыванія. Не равнодушіе или безпечность жителей его остановила, но честность и благопристойность, кои почитали непремѣнную волю мудреца ничего болѣе нежелавшаго, кромѣ покоя и уединенія. И такъ на-

скуча свѣтомъ онъ утѣшался едиными токмо растѣнїями и бесѣдованїемъ съ тѣми, кои въ изслѣдованїи оныхъ дни свои препровождаютъ: можно было сказать, что разумъ его утрудясь долговременнымъ въ небесахъ паренїемъ имѣлъ нужду опуститься долу, дабы прїять успокоенїе.

Записки его жизни *,

* Сїи записки уже вышли подъ заглавїемъ: исповѣданїе вѣры ж. ж. Руссо. (confessiones de de J. J. Rousseau) къ которымъ присовокуплены прекрасные его разсужденїя, названныя, мечты прогуливающагося въ удиненїи (Reveries du promeneur solitaire).

если положиться вѣ томъ на увѣренія нѣкоторыхъ свѣдущихъ особъ не суть послѣднее его сочиненіе, которое мы надѣемся увидѣть: увѣряютъ насъ, что онъ присовокупилъ къ *Эмилю* двѣ части, въ коихъ сія *Софія*, воспитанная матерью толь благоразумною, и учинившаяся супругою младаго и добродѣтельнаго человѣка, заблуждаетъ, лишается непорочности нравовъ своихъ и подвергаетъ великодушіе супруга своего опытамъ жесточайшимъ.

Между тѣмъ, какъ сей великїй человѣкъ снишелъ, такъ сказать, съ высоты своея славы въ глубочайшую мрачность; между тѣмъ какъ творецъ *Эмиля* осудилъ пламенное и изобрѣтательное перо свое, на раболѣпное переписыванїе чуждой для него мусикїи, подобно какъ бы хотѣлъ чрезъ сїе наказать его за претерпѣнныя имъ отъ него напасти: Французскїе комедїанты обогащали въ то время театръ свой такимъ сочиненїемъ, которое можетъ быть от-

кроетъ со временемъ новый путь сочинителямъ для театра трудящимся, изъ коихъ тѣ, которые вмѣсто того, чтобъ присовокуплять къ баснѣ чудесности, восхотятъ придать ей видъ истинны, неуменшая при томъ красотъ ея, немогутъ избрать совершеннѣйшаго себѣ въ томъ образца, кромѣ *пигмаліона.*

Руссо при вступленіи своемъ во Францію налагаетъ на себя обѣтъ, чтобъ ни какимъ сочиненіемъ невозбуждать вни-

мательность правосудія, кое притворилось, будто незнаетъ о его возвращеніи. Будучи рабъ своего обѣта онъ немного потерялъ жертвуя своею славою непоколебимому своему праводушію; ибо науки могутъ еще болѣе получить себѣ чести и славы отъ добродѣтели сего мужа, нежели отъ высокихъ его дарованій. Мы не знаемъ, о чемъ со временемъ извѣстятъ насъ записки уединеннаго его житія, но всѣ вѣдаемъ благородную его гордость,

презрѣнїе къ богатству, трезвость его, трогающую простоту нравовъ, любовь его къ истиннѣ и великїй примѣръ скромности оказанный имъ своему вѣку.

Никогда ученый человѣкъ нечувствовалъ лучше его достоинства своего бытїя и несохранялъ преимущества онаго съ большимъ благородствомъ. Первое разсужденїе его доказываетъ, что бѣдность унизившая толикое множество людей, немогла ослабить крѣпости души его. Государь, который

чрезъ добродѣтели свои вознесся превыше бѣдствій имъ претерпѣнныхъ, не устрашается вступить во пренїе съ Руссо, и Руссо побѣждаетъ его безъ гордости и уничиженія. Буасси, издатель *Меркурія*, имѣлъ неосторожность помѣстить въ оный испорченный списокъ съ Руссова отвѣта на письмо Волтера. Руссо возстаетъ противу сего безчестнаго поступка, уличаетъ издателя грознымъ но благороднымъ гласомъ, и принуждаетъ его обнародо-

вать данное ему отъ него наставленіе, которое однако не совсѣмъ было исполнено.

Онъ неболѣе Діогена стыдился нищеты своей. Нѣкоторая госпожа достигшая прелестьми и красотою своею до высочайшей степени Монаршескаго благоволенія, немогла убѣдить его, чтобъ позволилъ ей быть его благотворительницею; онъ осмѣлился положить предѣлы щедротѣ и Принца крови, неприобыкшаго срѣтать подобныя препоны.

Монтморенскіе земледѣльцы, которые видѣли его въ самопростѣйшемъ одѣяніи, прогуливающагося окрестъ ихъ вертоградовъ, бесѣдующаго дружелюбно съ супругами ихъ и съ ихъ чадами, внимающаго посредѣ ихъ всенароднымъ пастыря ихъ поученіямъ, никакъ немогли вообразить, коль великое различіе и неравенство между ими и симъ человѣкомъ, коего внѣшній видъ толикую изъявлялъ простоту и кротость.

Руссо при всей своей бѣдности находилъ средство быть благотворительнымъ; онъ хотя и ничего отъ богатыхъ неполучалъ, но всегда вспомоществовалъ неимущимъ.

Желали бы мы сокрыть, что сїе парящее воображенїе, которое иногда имѣло свѣтлость яснаго неба, нерѣдко было помрачаемо нѣкоторымъ родомъ нелюдимости, оказывавшее Руссо жестокосердымъ и нечувствительнымъ ко гласу дружбы, которая едва осмѣливалась приступить къ

нему, враги его утверждали, что сія нелюдимость произтекала отъ самолюбія, котораго ничто не могло удовольствовать: но для чего неприпишемъ мы сіе болѣе жестокимъ его мученіямъ, причиненнымъ неизцѣльною болѣзнію.

Такъ, я хочу лучше сему вѣрить. Въ началѣ его страданія, а по томъ сокровенныя печали ожесточили нравъ его, который возмутилъ въ немъ разумъ и учинилъ его несправедливымъ противу знаменитаго иностранца, не

способнаго къ таковому предпріятію, дабы содѣлать его, какъ онъ подозрѣвалъ презрительнымъ въ очахъ Англіи. Увы! такъ положила природа, что человѣкъ сколь бы ни основательныя имѣлъ разсужденія, сколько бы ни возвышенъ былъ умъ его, но при всемъ томъ долженъ онъ по недостатку силъ и чрезъ какія либо слабости открыть свое несовершенство!

Произшедшее между Руссо и г. Гюмомъ несогласіе было самымъ важ-

нѣйшимъ его преступкомъ похитившимъ у него весьма многихъ защитниковъ. Великій разумъ преславнаго сего историка и рѣдкое безпристрастіе, отличное души его свойство оградили его отъ Руссовыхъ подозрѣній, который по видимому являлся противу его неблагодарнымъ. . . Руссо неблагодаренъ! нѣтъ, онъ таковымъ небылъ; онъ обольщенъ; онъ былъ обманутъ; для лучшаго же въ томъ удостовѣренія, надлежитъ токмо прочесть письмо его

къ г. Гюму писанное имъ въ жару его словопрѣнія, оно толикою преисполнено истинною, столь живо изображаетъ изступленіе и безпокойствіе чувствительнаго человѣка, что всякой устремился бы чтобъ подъять, и облобызать мужа, простертаго предъ своимъ благотворителемъ и хотящаго, чтобъ сей попралъ его ногами, есть ли онъ имѣлъ нещастіе явить себя не справедливымъ.

Слезы, которыя онъ пролїялъ извѣстясь о кончи-

въ Волтера, самылъ лучшимъ могутъ быть доказательствомъ искренности и превосходства души его. Руссо утопаетъ въ слезахъ надъ Волтеровою гробницею. Коль рѣдкое и трогательное зрѣлище! слезы добродѣтельнѣйшаго мужа, сколь много чести приносятъ памяти и праху остроумнѣйшаго человѣка произведеннаго Францїею! Увы! Творецъ *Эмиля* вскорѣ долженъ былъ послѣдовать за творцомъ Генрїады! Человѣчество, огорченное лишенїемъ самаго

искренняго друга, которому подобнаго едва ли оно когда имѣло и имѣть будетъ, должно вскорѣ поражено быть еще другою утратою, столь же почти невозвратимою, какая и первая.

Сіи два знаменитые мужи имѣли столь же различную смерть, сколь и жизнь ихъ была несходственна. Волтеръ посредѣ скорбей и противорѣчій испустилъ послѣднее дохновеніе своея жизни, съ которою сопряжены были почести, слава и изобиліе; Руссо на-

противъ того никогда не являлся столько спокойкойнымъ, какъ въ послѣднія свои минуты; очи его преисполненныя удовольствіемъ устремлены были на прекрасное небо, освѣщавшее его кончину; казалось, что онъ желаетъ возвыситься къ пресвѣтлому звѣздвому кругу.

Прахъ сего безсмертнаго мужа хранится въ Эрменонвительскомъ вертоградѣ, гдѣ искуство съ природою соединено. Писатель, употребившій къ соединенію ихъ толикое

стараніе, покоится нынѣ въ ихъ нѣдрахъ. Вѣщаютъ, что вскорѣ надъ гробомъ его сооруженъ будетъ памятникъ, прилично бы было начертать на ономъ сіе надгробіе: „Здѣсь почи„ваетъ краснорѣчивый и „справедливый мужъ, пре„зрѣвшій почести и бо„гатства и возжелавшій „быть токмо добродѣте„льнымъ„.

стараніе, похошися нимъ въ ихъ вѣрахъ. Выдаютъ, что вскорѣ надъ гробомъ его сооружать будетъ памятникъ, приличное было начертать на ономъ сіе надгробіе: „Здѣсь почи-
„ваетъ краснорѣчивый и
„справедливый мужъ, пре-
„зрѣвшій почести и бо-
„гатства и возжелавшій
„быть токмо добродѣте-
„лнымъ".

У Клостермана по Невской перспективѣ супротивъ новой Исакіевской подъ No: 69 продаются слѣдующія Россійскія книги:

Альзира, Трагедія въ стихахъ Волтерова, 70 коп.

Человѣкъ въ 40 талеровъ. Волтерово Сатирическое сочиненіе, съ 5ю картинами. 1 руб. 50 к.

Размышленія Доддовы въ темницѣ 1 руб. 70 коп.

Гомерова Иліада, съ гравированными украшеніями, на бѣлой бумагѣ 3 руб. 25 коп. на простой 2 руб. 75 коп.

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ Князя Радзивила, на бѣл. бумагѣ 2 руб. 50 коп. а на простой 2 руб. 20 коп. съ прибавленіемъ же къ оному находящемуся нынѣ въ печати и съ планами и картинами на бѣл. бум. 6 руб. а на прос. 5 руб.

Путешествіе Капитана Кука около свѣта 1 руб. а съ портретомъ его 1 руб. 20 коп.

Путешествіе въ Бухарію, Хиву и Индію Ефремова, 90 коп.

Взятіе Св. Лукіи 40 коп.

Бертольдъ, Историческая повѣсть, 35 коп.

Разсужденіе о великихъ людяхъ 30 коп.

Гражданинъ съ расчетомъ 1 р.

Зритель міра. 1. руб. 60 коп.

Дикій человѣкъ, 60 коп.

Свойство забавъ, Галлерово сочиненіе 60 коп.

Жизнь Графа Панина, 15 коп.

Философъ у хлѣбнаго рынку 10 коп.

Магометъ съ Алкораномъ, 10 к

Камень соблазна, 50 коп.

Лѣкарство отъ задумчивости или настоящія Руския сказки 90к

Дѣдушкины прогулки, продолженіе сказокъ 90 коп.

Способъ лѣчиться отъ часотки, 20 коп.

Полный Французскій букварь, 45 коп. на прос. бумагѣ, а на бѣлой 55 коп.

Французская пропись г. Рыкова 60 коп.

Нѣмецкая и Латинская пропись, 60 коп.

Россійская азбука, 10 коп.

